

ПУТЬ КОЛОБКА: МАГИЧЕСКИЙ КРЕСТ ПРАЗДНИКОВ В РУССКОЙ СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Антон Платов

Жил-был старик со старухой. Просит старик: «Испеки, старуха, колобок». – «Из чего печь-то? Муки нету». – «Э, эх, старуха! По коробу поскреби, по сусекам помети. Авось муки и наберется». Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусекам помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошко простудить. Колобок полежал-полежал да вдруг и покатился...

Сюжет русской сказки о Колобке общеизвестен. Убежав от Деда с Бабкой, Колобок катится через некое пространство, последовательно встречая четырех зверей, собирающихся его съесть, – Зайца, Волка, Медведя и Лису. От первых трех ему удается благополучно уйти, но последний зверь – Лиса – оказывается хитрее Колобка и съедает его.

Этой простенькой на первый взгляд сказке посвящено на настоящий момент весьма немалое количество работ – от любительских публикаций до профессиональных исследований известнейших ученых, таких как В.Я.Пропп¹, Н.И.Толстой² и т.д. Тому, вероятно, есть как минимум две причины. Прежде всего, это – очевидная архаичность сказки.

Хорошо известно, что сказка – и как текст, и как символическое содержание – оказывается тем древнее, чем проще ее сюжет. В этом отношении мы знаем как минимум три древнейшие, вероятно, русские сказки – собственно «Колобок», «Репка» и «Курочка Ряба». Показательна и распространенность сюжета «Колобка», известного у народов большей части Европы.

Что касается конкретно русского варианта сказки, на его глубокую архаичность указывает и специфика самого текста. Как было отмечено Н.И.Толстым³, описание «исхода» Колобка из дома создавших его Деда и Бабки («с окна да на лавку, с лавки да на пол, по полу да к дверям [...] из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота») образует четкую структурную параллель зачинам древнейших русских заговоров (например: «Стане ти раб Божий (имя рек) ...пойдет из дверей дверьми, из сеней сеньми, из ворот воротами, выйдет далече в чистое поле...»).

Вторая причина – это то, что при рассмотрении сказки сложно не обратить внимания на ее солярный символизм. Это связано, разумеется, и с самим именем Колобка. У Даля, например, слово **колоб** означает не только «небольшой круглый хлебец», но и в целом «шар», «скатанный ком»; вряд ли можно отрицать и связь этого имени с общеславянским **коло**, «круг, колесо». Немаловажна и цикличность действия сказки, требуемая законами сакральной Традиции о переходе Смерти в новое Рождение...

---

¹ В.Я.Пропп. *Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1986.

² Н.И.Толстой. *Очерки славянского язычества*. М., 2003.

³ Н.И.Толстой. *Секрет Колобка // Живая старина*, 1995, №3.

Известно немало попыток связать сказку с древнейшими космологическими представлениями; практически все они предполагают здесь описание движения Солнца по эклипке (в птолемеивской геоцентрической картине мира). Единственное предположение, в астрономическом отношении связывающее сказку не с Солнцем, а с Луной, было высказано К.К.Быструшкиным⁴. На мой взгляд, однако, эта попытка не выдерживает критики – при всем моем глубоком уважении к ее автору.

Прежде всего, Быструшкин исходит из совершенно бездоказательной посылки о том, что происхождение Колобка как *поскрёбыша* («по коробу скребён, по сусекам метён») «в языке космологических аллегорий [...] следует понимать как распоряжение о создании ЛУННОЙ ПРИБАВКИ календарного года».

Во-первых, к такому выводу нет никаких оснований, а во-вторых, сам смысл идеи *поскрёбыша* в русской фольклорной традиции имеет совершенно конкретный – и совершенно иной – сакральный смысл⁵. Применительно к данной сказке это отмечает, например, Г.В.Цивьян: «Колдовская сущность Колобка усиливается тем, что он – *поскрёбыш* [...] А поскрёбыши, хлеб и человек, наделены именно таким свойством. Последний ребенок – «поскрёбыш» обладает даром лекаря и знахаря, способного противостоять власти ведьм и колдунов.»⁶

Немалое значение здесь имеет и то, что сам глагол, настойчиво используемый в сказке для описания движения Колобка – *покатился* – неприменим в русском языке в отношении Луны: мы можем сказать «Луна зашла», и только в отношении Солнца – «Солнце *закатилось*».

Наконец, и сами выводы Быструшкина представляются нелогичными и даже внутренне противоречивыми. Он связывает «путь Колобка» с лунным циклом и чередованием дней недели, ставя, в частности, в один ряд зверей и Деда с Бабкой, что недопустимо, поскольку Бабка и Дед не входят в круг животных (хотя Колобок «ушел» и от них). Дело в том, что:

- во-первых, они являются «родителями» Колобка, – и это совершенно иное семантическое поле, нежели встречающиеся в пути;
- а во-вторых, Бабка и Дед находятся в *доме* – т.е. в совершенно ином мифологическом пространстве, чем звери, встречающиеся на дороге, архетипически – в «темном лесу», внешнем пространстве.

Ну и совсем уж неясно, почему Колобок сначала проходит воскресенье (Дед) и понедельник (Бабка), затем – среду (Заяц) и четверг (Волк), потом неожиданно субботу (Лиса), а пятница в реконструкции Быструшкина вообще отсутствует.

Итак, остановимся на предположении, что «путь Колобка» связан с годовым – солнечным – циклом.

Солнце и звери

Как уже упоминалось, многие авторы пытались связывать действие сказки с космологическими представлениями наших языческих предков, но в большинстве случаев дальше самоочевидной параллели Колобок – Солнце дело не шло.

Очевидная цикличность сказки (рождение в печи – встречи с животными – смерть – новое рождение, не упомянутое в сказке, как и в собственно циклических мифах, но

⁴ К.К.Быструшкин. *Русская народная сказка «Колобок»* / Материалы авторского сайта: <http://www.seredinamira.ru>

⁵ См., напр.: Г.И.Кабакова. *О поскрёбышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках* // Живая старина, 1994, № 4.

⁶ Г.В.Цивьян. *Роковой путь Колобка*. В кн.: *Язык культуры: семантика и грамматика*. М., 2004.

необходимое по законам сакральной Традиции) и солнечный характер самого Колобка позволяет довольно уверенно говорить об аллегории годового цикла. Некоторые авторы утверждают даже, что речь идет о «древнеславянском Зодиаке», что, очевидно, неправомерно, поскольку сама идея Зодиака подразумевает абсолютно конкретное деление эклиптики – и, соответственно, года – на *двенадцать* отрезков; здесь же ничто не указывает на двенадцатичастное деление.

Гораздо корректнее говорить, что речь идет о делении четырехчастном (мы уже упоминали, что Дед и Бабка не относятся к пути Колобка/Солнца). При таком подходе четыре его встречи со зверями неизбежно должны представлять собой указания на четыре кардинальные точки годового цикла и, соответственно – на четыре кардинальные точки эклиптики.

(К слову, косвенно эта четверочастность пути Колобка/Солнца подтверждается и выбором зверей, встречи с которыми отмечают ключевые точки этого пути: дело не только в том, что эта последовательность (заяц – волк – медведь – лиса) остается неизменной во всех вариантах сказки, но еще и в том, что сама эта *четверка* является чрезвычайно устойчивой в русском обрядовом фольклоре. Так, например, она часто упоминается в песнях, певшихся на Егория Вешнего:

*Волку, медведю,
Старому зверю,
Лисице и зайцу -
Пень да колода,
На раменье дорога!*

Необходимо сказать и о том, что эта *четверка* зверей устойчива практически по всему славянскому миру; вот, например, начало одного из болгарских заклятий:

*Вышел святой Георгий на высокую гору, и заиграл в медную трубу, и собрал волка с волчатами, медведицу с медвежатами, лисицу с лисятами, зайчиху с зайчатами...*⁷

Более того, необходимо отметить, что в егорьевских песнях и заклятиях сохраняется даже сама циклическая последовательность зверей – за тем исключением, что в них она начинается, как правило, не с зайца, а с волка, – причем, и эта особенность также сохраняется по всему славянскому миру.)

Вернемся к солярному символизму сказки.

Проще всего было бы предположить, что речь идет о точках, всем известным: два Солнцестояния (зимнее и летнее) и два Равноденствия (весеннее и осеннее) и соответствующие точки эклиптики: начало Козерога и Рака, Овна и Весов. Однако, ряд несложных умозаключений приводит нас к выводу об ошибочности такого «простого» предположения.

Самым важным из соображений, не допускающих «простого» объяснения, является следующее.

Очевидно, что рождение Солнца в сказке связано с домом Деда и Бабки. Между тем, рождение нового Солнца у всех индоевропейцев, – включая и славян, разумеется, – происходит на Зимний Солнцеворот. Если мы принимаем «простой» вариант, то первая встреча на дороге – с Зайцем – должна оказаться Весенним Равноденствием; встреча с Волком – Купалой; с Медведем – Равноденствием уже осенним. Дальше должен следовать снова Зимний Солнцеворот, т.е. дом Деда и Бабки. Куда же в таком случае дается встреча с Лисой?..

---

⁷ Пер. цит. по: А.С. Фаминцын. *Божества древних славян*. СПб., 1884.

...Ниже, когда мы будем рассматривать календарно-обрядовые и мифологические характеристики каждой из четырех встреч Солнца, мы увидим дополнительные и весьма серьезные подтверждения иной, более сложной – и более интересной! – схемы космологических соответствий сказки, но прежде всего необходимо эту схему обозначить.

Второй крест

Дело в том, что космология – и, соответственно, ритуальный календарь – индоевропейской сакральной Традиции помимо четырех обозначенных выше кардинальных точек года знает и еще четыре, занимающих промежуточное между ними положение. Все вместе они образуют деление года на восемь частей, наиболее четко, вероятно, выраженное именно на Северо-западе индоевропейского ареала (т.е. у балто-славян, германцев и кельтов)⁸.

Эти четыре дополнительные точки образуют «второй крест» годовых праздников, ассоциировавшихся не столько с переходом года (и Солнца) в иную фазу своего развития, сколько – с особыми, магическими состояниями окружающего нас мира. Непосредственные названия этих точек лучше всего сохранились у кельтов, однако отмечались они всеми упомянутыми родственными народами, а у балтов, например, до самого недавнего времени оставались основой восьмимесячного солнечного⁹ календаря. Вот эти точки:

Ок. 1 февраля – *Имболк* (слав. *Громницы*; герм. *Blossmesse*, «Месса Ветров»)

Ок. 1 мая – *Бельтан* (слав. *Егорий/Ярила Весний*; балт. *Velykos*)

Ок. 1 августа – *Лугнаса* (слав. *Перунов/Ильин день*; герм. *Loaf-Mass*, «Хлебный Праздник»)

Ок. 1 ноября – *Самайн* (слав. *Осенние деды*; герм. *Vetrnetr*, «Зимние Ночи»; балт. *Vėlinės*)

Прежде всего, стоит отметить, что не только «набор» присутствующих в сказке животных неслучаен (как уже было сказано выше), но и сама последовательность их подчинена определенной закономерности. Сила зверей в этом цикле последовательно нарастает (Заяц -> Волк -> Медведь), причем – сила не только физическая; медведь уже далеко не такой яростный хищник, как волк (у него другой тип пищевого поведения), но – это уже Хозяин, воплощение и Власти, и Мудрости... Но на четвертом звере эта закономерность обрывается: лиса – один из самых маленьких хищников наших лесов, вместо силы наделяемый фольклором коварством и хитростью.

...Именно эта закономерность уже при беглом взгляде заставляет нас сопоставлять четыре вехи «пути Колобка» с кардинальными точками «второго креста»: три из них знаменуют развитие года/Солнца – от молодого к яростному предкупальскому и далее к зрелому, облеченному силой и мудростью настоящего властителя. И четвертая точка – последние праздники года перед Колядой – обрывает эту динамику, открывая врата в Мир Смерти, куда уходит год до нового рождения в момент Зимнего Солнцеворота.

И именно здесь встречей с Лисой обрывается – чтобы начаться снова – и «путь Колобка».

⁸ См., напр.: М.Грашина, М.Васильев. *Языческий календарь. Миф, образ обряд*. М., 2010; А.В.Платов. *Магические Искусства Древней Европы*. М., 2002.

⁹ А не солнечно-лунного, как григорианский или юлианский календари.

Путь Колобка

Итак, рассмотрим каждого из четырех зверей сказки. И – каждую из соответствующих им кардинальных точек года и солнечного цикла.

Заяц

Зайчишка-зайка серенький...
Старая новогодняя песня

Славянские Громницы – как и аналогичные праздники у германцев и кельтов – это время поворота к весне. Русские и белорусы говорили, что в этот день «первый раз встречаются зима с весной»; северяне – что «ветер поворачивает на весну» или, что первый раз за зиму дует весенний ветер и первый раз пахнет весной.

Церковь в свое время «закрыла» этот праздник днем Сретенья Господня, но так и не смогла «заглушить» его сущность – в народном восприятии он так и остался посвящен Богине-Деве и, несмотря на христианское содержание праздника (внесение младенца Христа в храм), славяне в эти дни по-прежнему обращались к божественной Деве, пусть и замененной формально на Богородицу. Даже само название церковного праздника трансформировалось народом в общеславянское **Среча** – с одной стороны, обозначение определяемой богами удачи (укр.), а с другой – имя девственной помощницы Макоши, сплетающей нить этой удачи (сербск.).

Кельтский Имболк также связывался с Богиней-Девой, покровительницей поэзии и искусства. Один из ирландских вариантов названия праздника – Бригитт – связан с именем св.Бригиты, чей образ прямо выведен из образа девственной богини Бриг (Брид, Брайд). Этому же кругу кельтских персонажей принадлежит и валлийская св.Мелангелла-девственница, днем которой считается все то же 31 января. Связанный с ней миф – пусть и христианский *по форме* – интересен для нас тем, что центральным его персонажем является *именно заяц*. Все иконографические изображения св.Мелангеллы (включая и православные – ее почитание было распространено и на Руси) обязательно включают этого самого зайца. (К слову, и на иконах собственно Девы Марии заяц нередко лежит у ее ног.)

С зайцем связана и другая кельтская богиня-дева – Андраста, покровительница Британии. Именно к ней, по легендам¹⁰, восходит реально действовавший некогда в Британии запрет на употребление зайца в пищу с Имболка по... Бельтан.

Когда приходит совсем другое время.

¹⁰ Подробнее см., напр.: *Кельты: первые европейцы*. Под ред. А.Черинотти. М., 2008.

Волк

Что у волка в зубах, то Егорий дал.
Русская поговорка

И кельтский Бельтан, и русский Ярила (Егорий) Вешний – равно праздники максимального расцвета (и даже «буйства») жизнотворящих сил – и Природы, и человека. В начале мая, когда Солнце уже вошло в полную силу, но еще остается юным, Жизнь действительно бушует, и яростный ее характер находит воплощение, в частности, в связи этого праздника с волками.

Действительно, на Руси наиболее народный устойчивый эпитет центрального персонажа этого праздника – Ярилы (Егория в христианское время) Вешнего – это, без сомнения, «волчий пастырь»¹¹. И конечно, волки здесь – это не элемент христианского культа, но – остатки гораздо более древних, языческих представлений о сути праздника.

Еще один важный момент – и Бельтан, и противостоящий ему в годовом круге Самайн, это время, когда истончается граница между нашим миром и миром мертвых. Именно поэтому оба эти праздника являются времен поминовения ушедших предков (сравн. их балтские названия – *Velykos* и *Vėlinės* – оба восходящие к *vėle*, «душа», «мертвец»). А ведь Волк известен нам и как один стражей Иного мира или проводников туда...

МЕДВЕДЬ

На Ильин день Медведь в воду лапу опустил...
Русская поговорка

Ильин день (2 августа по нов.ст.) – православный праздник, в восточнославянских землях «закрывший» собой следующую, третью, кардинальную точку «второго креста» и соответствующий языческий праздник, который кельты называли *Лугнаса*, а русские и белорусы – *Громобой*, *Перунов день*, *Обжинки* и т.д.

Семантика этого праздника – о каком бы из родственных северных народов мы ни говорили – имеет два аспекта (отсюда и параллелизм названий: *Обжинки* – *Громобой*). Первый аспект – урожайный: Перунов день – это время между уборкой яровых и севом озимых. Второй аспект – княжеский (королевский): Громовержец у славян являет собой не только отца воинов, но и божественного Властителя, бога князей. Но если яростная воинская сила у нас ассоциируется с волком, то спокойная мощь и мудрость настоящего властителя – совсем с другим зверем. С медведем, которого на Руси недаром зовут *Хозяином*.

Аналогично выглядит и кельтский праздник Лугнаса, который К.-Ж.Гюйонварх и Ф.Леру характеризуют так: «Это праздник Луга в его королевском аспекте, праздник короля-раздатчика благ и поддержателя равновесия, праздник осени и урожая. Он отмечался играми, состязаниями, скачками и собраниями законовевдов и судей»¹². И здесь мы снова встречаемся с Медведем:

«Медведь [...] символизирует мужество, отвагу и силу воина. По этому символу можно было отличить короля, находящегося на самом верху воинского сословия. Имя кельтского короля Артур и все производные слова с этим корнем происходят от названия этого зверя»¹³.

...Ну и, возможно, стоило бы еще упомянуть, что именно на начало августа на Руси приходится Первый, или Медовый спас...

¹¹ Подробнее см., напр.; А.С. Фаминцын. *Цит. соч.*

¹² К.-Ж.Гюйонварх, Ф.Леру. *Кельтская цивилизация*. СПб., 2001.

¹³ *Кельты: первые европейцы*. Под ред. А.Черинотти. М., 2008.

ЛИСА

Димитриев день покойники ведут, живых блюдут...
Русская поговорка

И, наконец, Лиса.

Последний зверь занимает в нашей последовательности особое положение. Во-первых, Лиса, как уже отмечалось, обрывает закономерность нарастания могущества зверей на «пути Колобка». А во-вторых, она обрывает и самый этот путь.

...У всех северных европейцев праздники и обряды, приходящиеся на первые числа ноября, связаны со смертью. Это и кельтский *Самайн*, и славянские *Осенние деды* (Дмитриевская родительская суббота), и литовские *Vėlinės* – дни почитания мертвых... Умирание Колобка-Солнца именно в этой точке годового круга более чем закономерно.

Смерть Солнца – вернее, его переход в *Иной Мир* на время до нового рождения – происходит именно в тот момент, когда грань между этим и *Иным Миром* истончается «до прозрачности». И неслучайно Колобка здесь встречает именно Лиса, а не иной зверь. Согласно древним мифопоэтическим представлениям, лиса нередко сопровождала души мертвых в загробный мир, а иногда и просто считалась воплощением души умершего¹⁴. В народном сознании лиса прочно ассоциируется с ночью или сумерками (в Сибири, например, сумерки называли «лисьей тьмой»); это хорошо видно и на материале русских сказок. Так, в сказке «Петушок – золотой гребешок» именно Лиса прячет под землю Петушка – «бессменного» предвестника утренней зари...

...Следует отметить, что для самых северных европейских народов наступление Тьмы в начале ноября – не только символ перехода года через определенную магическую грань, но и объективная реальность. Скандинавский *Vetrnetr*, «Зимние Ночи», – это еще и наступление времени, когда Солнце уже почти не показывается над горизонтом...

А что же оставшиеся два персонажа сказки – **БАБКА И ДЕД?**

Как мы уже оговорили, Дед и Бабка не являются вехами на «пути Колобка», – они, скорее, представляют силы, «обеспечивающие» рождение Колобка и отправляющие его в путь. Эти образы практически не раскрыты в сказке, – она посвящена совсем другому, – но угадать за ними образы Бога и Богини совсем не сложно...

В этой связи, к слову, стоит вспомнить старое детское заклинание: «*Колдуй Бабка, колдуй Дед, колдуй серенький Медведь...*»

Несколько слов в заключение

И в заключение этого небольшого очерка-исследования – одна любопытная деталь; соображение, вряд ли объективно доказуемое, но, на мой взгляд, небезынтересное.

В древнейшей северной Традиции год естественным образом начинается с Зимнего Солнцеворота – с точки годового цикла, в которой рождается новое Солнце. Этим обусловлена и та последовательность зверей в сказке, которую мы только что рассмотрели: Заяц – Волк – Медведь – Лиса, – она начинается сразу после Солнцеворота и заканчивается непосредственно перед ним.

¹⁴ Р.Х.Каримова. *Семантика зоонимов во фразеологии немецкого и русского языков* // Политическая лингвистика, 2005, № 16.

Как уже упоминалось, и сам состав этой четверки, и их последовательность у славян сохранились в неизменности вплоть до конца XIX века (мы приводили русский и болгарский примеры; их можно было бы подобрать гораздо больше). Однако, в егорьевских песнях и заклетьях перечень этих зверей практически всегда начинается не с Зайца (что было бы логичным), а с Волка. Почему?

Я полагаю, что дело в разнице «в возрасте». Егорьевские песни, безусловно архаичные, все же на порядок моложе сказки о Колобке. Практически наверняка те их примеры, которые нам известны, сложились во времена, когда славяне уже стали считать началом года Весеннее Равноденствие. Древнее знание тогда еще не было, вероятно, утрачено, однако, «формальный» год уже изменился, и имело смысл начинать последовательность Зверей с точки, следующей не за Колядой, но – за Равноденствием...